

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ НЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В 80-е годы XX в. во Франции формируется новая языковая мода, которая была названа «le français branché» - «модный французский язык». Ее появлению способствовал ряд экстралингвистических причин, о которых следует говорить отдельно. Le français branché – это своеобразная языковая манера, умение использовать в речи целый арсенал новых модных языковых средств. Способы обновления языка известны издавна: создание новой формы, создание нового смысла (семантическая неология) и заимствования. В данной статье мы ограничимся анализом новых тенденций, обозначившихся в наше время в области собственно словопроизводства, не затрагивая другие возможности неологии, такие, как заимствования и семантические преобразования.

Как и всякая мода, мода языковая эфемерна, модные слова, по мере вхождения в обиход большого количества людей, быстро тускнеют, «обесцениваются» и требуют обязательной замены на новые, более современные формы выражения. К примеру, еще недавно столь модные обороты *c'est sensass*, *c'est bath*, *c'est épatant* или даже более позднее *c'est extra* кажутся сейчас безнадежно устаревшими, им на смену приходят иные серии для выражения высшей степени оценки, такие, например, как *c'est géant*, *c'est cool*, *ça le fait* или *c'est de la balle!*

Языковая мода затрагивает все языковые уровни – от фонетического (определенная манера произношения отдельных звуков, своеобразная мелодика и интонирование) – до синтаксического, что предполагает появление и массовое использование новых оборотов, речевых клише и неожиданных синтаксических конструкций. К примеру, к концу 80-х годов становится чрезвычайно модной синтаксическая модель «être + N» со значением «être ce que l'on aime» - «быть» тем, что любишь: *être très sucre* «любить сладкое». Модель порождает многочисленные варианты: *Moi, je suis plutôt jogging et elle, très sauna*, *Moi, je suis plutôt cinéma et elle plutôt théâtre* или же: *Je suis assez maison et elle très sorties*. Любопытно, что эта ставшая модной модель конверсии была известна и ранее, она использовалась в просторечии в выражениях типа *J'étais drôlement colère* («я был страшно зол»), но в общий язык не проникала и не была массово воспроизводима.

Однако «модными» могут быть не только определенные обороты или лексемы. В современной языковой манере отчетливо прослеживается тенденция к выборочному использованию даже отдельных словообразовательных формантов (напр., определенных суффиксов или префиксов) или к активному воспроизведению какой-либо отдельной словообразовательной модели. При этом новые формы, как и любые модные единицы, имеют достаточно агрессивный характер, т.е. начинают крайне активно завоевывать языковое пространство, проникая в речь людей, стремящихся «говорить современно»-«être branchés».

Так, модная манера говорить демонстрирует предпочтения в употреблении определенных суффиксов, как традиционно продуктивных, так и достаточно неожиданных. К примеру, казалось бы уже «умирающий» и непродуктивный адъективный суффикс *-esque* обретает вдруг в наше время вторую «модную» жизнь и возрождается в целых рядах новых дериватов: *ayatollesque*, *thernobylesque*, *diablaesque*, *pélicanesque*, *clochardesque*, *donquichottesque*. Набирает силу для выражения превосходной степени и суффикс *-issime*. Его сегодняшнее «возрождение» опровергает авторитетное утверждение Ф. Брюно, который писал в «Истории французского языка»: «toute pensée de ressusciter les superlatifs synthétiques en -isme ou -issime a disparu. On en rencontre bien quelques exemples isolés de la deuxième forme dans le style sérieux, mais ils sont rares.» [2, p.282]. Однако, появляющиеся сейчас многочисленные адъективные дериваты *nullissime*, *sobrissime*, *gravissime*, *connissime*, *facilissime*, *modernissime*, *génialissime* и даже одно зафиксированное отыменное образование (от сущ. «soldes») - *soldissime* (в рекламе Galeries Lafayette),

говорят об обратном – об активном возрождении этого суффикса в модной языковой манере.

В языке молодежи востребован и суффикс *-oche*: *un cantoche* (столовка), *un cinoche* (киношка), *un variétoche* (эстрадный концерт), *la téléoche* (мелук) и даже *Marie-Cloche* (журнал *Marie-Claire*). Очень широко используется также новый суффикс *-os*, образующий преимущественно прилагательные: *tranquillos*, *craignos*, *chicos*, *coolos*, *débilos*, *hardos*, *les branchados* (= *les branchés*). Суффикс частотен и в названиях национальностей: *Chicanos* (= *Mexicains*), *Latinos* и пр.

«Новое» распространение получает в последнее время и традиционно продуктивные суффиксы. Так, значительно повысилась частотность известной словообразовательной модели «N + *-erie*» (со значением «место продажи»: *laiterie*), по которой рождаются многочисленные новые названия магазинов: *croissanterie*, *lunetterie*, *brioche*, *doguerie* («все для собак»), и т.д. А такие известные продуктивные суффиксы, как *-iser* и *-isation* демонстрируют новую возможность: они начинают сочетаться с основами - именами собственными людей и названий стран: *mittérandiser*, *somalisation*, *ouzbékisation* (*du Tadjikistan*). В увеличении числа подобных дериватов определяющую роль играет, по-видимому, старая «порождающая» модель «*finlandisation*».

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в современном неологическом процессе активно задействовано словообразование по аналогии – традиционный способ словопроизводства, порождающий новые единицы путем воспроизведения уже существующего образца, внутренняя форма которого понятна говорящему и как бы воссоздается им в акте номинации при использовании нового лексического «строительного» материала. Релевантным при создании новой единицы по известной модели оказывается не только общность того или иного аффикса, но и однотипность соединяющихся с этим аффиксом основ. Так, по модели N + *-ude* появляется сначала существительное *négritude* (от *nègre*), открывшее словообразовательный ряд новых производных *francitude* (от *français*), *arabitude* (от *arabe*). Известная модель Adj. + *-ité* (*créatif-créativité*, *probable-probabilité*) порождает ряд новых адъективных существительных, таких, например, как *furtivité*, *héritabilité*.

От многочисленных примеров суффиксальных неологизмов, образованных по принципу аналогии, путем пополнения словообразовательных рядов, образованных по одному структурному образцу, отличается принцип образования по словообразовательному гнезду. В основе этого словообразовательного механизма лежит семантическая ассоциация между однокоренными словами. Источником порождения новой единицы здесь является как знание слова того же корня, так и знание моделей и правил словообразовательной производности. Образование по словообразовательному гнезду предполагает заполнение «пустых клеточек» словообразовательных парадигм. Так, существующая семья однокоренных слов, образованных от глагола *opérer* (*opération*, *opérationnel*, и т.д.) пополняется неологизмом *opérationnalité*, а от глагола *aborder* образуется неологизм *abordage* (*d'un virage; de qqn.*). Подобные неологизмы (называемые пуристами «варваризмами», из-за их непредставленности в словарях), в силу прозрачности внутренней формы и неотягощенности скрытыми элементами смысла, абсолютно понятны говорящим.

От регулярной суффиксальной деривации несколько отличается явление, также заметное в современной языковой манере: легкая модификация конца слова. По разным причинам говорящий предпочитает использовать либо «не тот» суффикс (т.е. не общепринятый), либо добавить «ненужный» суффикс к основе, которая является самодостаточной и без присоединения этого суффикса. Так появляются новые «избыточные» обозначения типа *fricassure* вм. *fricassé* или *bienfaiterie* вм. *bienfait*. Иногда эти «ненужные» или «неправильно употребленные» суффиксы используются для уточнения неявной, немаркированной частеречной принадлежности слова, например, именной или адъективной. Так, использование «ненужных» с точки зрения нормы

суффиксов *-ien* или *-ique* в таких словах, как *bulgarien* (*l'armée bulgarienne...*) или *zoophilique*, вместо правильных, но грамматически немаркированных *bulgare* и *zoophile* позволяет говорящему подчеркнуть адъективную принадлежность этих форм. В основе подобных «неправильностей», допускаемых в современном языке, лежит все тот же принцип аналогии, выравнивания форм под известный регулярный образец.

В области префиксации языковая мода также нацелена на избирательность, то есть на использование определенных выборочных, как известных, так и новых префиксов и префиксальных элементов. Так, очень активен заимствованный префикс *e-* (от англ. Electronic): *e-commerce*, *e-connaissance*, *e-pub*, *e-cigarette*). Новой обозначившейся тенденцией можно считать увеличение количества элементов, начинающих выполнять функцию префикса, таких, например, как *néo-*, *hyper-*, *extra-*, *méga-*, *super-* или *hypra-*: «*Martine, je la connais hypra-bien*», или, в рекламе: «*Pour toutes les méga-envies pressantes!*». Роль настоящих префиксов в силу увеличившейся сочетаемости, начинают играть первые компоненты сложных слов, такие, например, как *euro-* (*eurodollar*, *eurodéputé*, *euromissile*, *Eurodoute*, *euroseptique*), *éco-* (*écomusée*), *cyber-* (*cybercafé*, *cybercriminalité*, *cybermonde*, *cybernaute*). Увеличение частотности некоторых модных префиксальных компонентов приводит к их лексикализации: *le néo*, *le retro*, *le néo-retro*, *le post*, *le hyper*, *mon ex*. Активно развивается модель, где роль префикса начинает играть компонент *tout*, активно присоединяющийся как к существительным, так и к прилагательным: *le tout-camion*, *le tout-répressif*, *le tout-carcéral*. Как и многие другие появляющиеся сейчас модные формы, композиты с элементом *tout* в препозиции характеризуются нечеткостью семантики. Еще в 1928 г. в известном труде «Грамматика ошибок» Анри Фрей писал: «В разговорном (...) французском языке охотно употребляются нечеткие выражения, поскольку понимание не требует более точных слов; говорящие избавляют себя от необходимости обозначить особыми терминами все тонкости значения» [1, с.122]. Стремление обозначить действительность менее определенно, допускать неоднозначность трактовки, возможность не быть исчерпывающе ясным характеризует и современную языковую манеру. А ведь неопределенно обозначить – это значит и неоднозначно понять. По опросу, проведенному известным исследователем французской неологии Ж.-Ф. Саблеродем [4] среди учащихся лицей, ни один из опрошенных не смог дать одинаковой и точной интерпретации таким единицам, как, например, *le tout-transistor* или *le tout-champagne*, зафиксированных в словаре *Trésor de la Langue Française*. В восприятии таких единиц, как, например, *le tout-répressif* и *le tout-carcéral* общим оказалось лишь ощущение негативной коннотации.

При образовании новых сложных слов ярко выражена тенденция к обратному по сравнению с французским словопорядку: *placoplâtre* vs *plâtre en plaques*, *riziculture* vs *culture du riz*. Связанное с этим появление соединительных «о» и «i» в однословных композитах привело к образованию новых продуктивных элементов сложных слов, таких, например, как *placo-*, *rizi-*, *moto-* (от *moteur*): *motocycle*, *mototracteur*; *toxico-* (от *toxique*): *toxicomane*; *séro-* (от *sérum*): *sérodagnostique* (*серодиагноз*), *séropositif* (*сероположительный*) и пр. В отмеченной тенденции к производству композитов с обратным, «научным» словопорядком (определяющее-определяемое: *un turbo-cadre*, *double-cliquer*, *vidéosurveillance*, *X tennis-club*, где «X» - имя собственное) можно видеть проявление глубинных изменений системы французского языка. Такой точки зрения придерживается, например, французский лингвист М.-Д. Пикон [3, р.148-163], выявляющий определенную тенденцию в изменении французского языка в сторону синтетизма, связанную с влиянием англо-американского языка.

Языковая мода диктует также краткость и сжатость форм выражения и прибегает для этого к целому арсеналу редуцированных форм, являющихся наглядным проявлением закона экономии речевых усилий. Возросшая частотность усеченных единиц, наблюдаемая на всех языковых уровнях, позволяет выявить некоторые новые особенности их использования. Во-первых, увеличение количества (особенно в речи молодежи и в *le*

français branché) ранее гораздо менее частотных аферез (*leur* вм. *contrôleur*, *blème* вм. *problème*, *zique* вм. *musique*, *tain* (междометие) вм. *putain*). Во-вторых, что касается апокоп, чрезвычайно распространенных в устном общении, то если раньше усеченная форма оканчивалась преимущественно на гласный (часто на «о»): *le ciné(ma)*, *sympa(tique)*, *le choco(lat)*, *l'expo(sition)*, *un hétéro(sexuel)*, *un ado(lescent)*, *accro(ché)*, то сейчас усечение чаще стало образовывать закрытый слог: *la clim(atisation)*, *un stup(éfiant)*, *une mob(ilette)*, *le from(age)*, *la récup(ération)*, *l'appart,e(ment)*, *l'alloc(ation)*. Развивается и многозначность апокоп: *doc* – *docteur*; *documentation*; *bon ap* – *bon appétit*; *bon après-midi*, *coke* – *сосо*; *сосоаине*. В разговорном регистре подвергаются усечению и имена собственные, названия: *Prisu (Prix Unique)*, *Troca(déro)*, *l'Huma(nité)*, *Libé(ration)*, некоторые уже прочно вошли во всеобщее употребление: *une Kro(nenbourg)*, *un McDo*, *un Nes(café)*.

Редукция формы проявляется и в виде буквенных сокращений. Этот вид словотворчества нельзя отнести к известным издавна, он расцвел лишь в XX веке. Однако, если вначале этот способ характеризовал преимущественно официальную манеру общения и административный язык, то в настоящее время мода на буквенные сокращения проникла во все области жизни. Аббревиатуры, произносимые по названию букв: *V.D.*, *V.O.*, *R.M.I.*, *V.I.P.* или по слогам: *SAMU (Service d'Aide Médicale d'Urgence)*, *NAP (Neuilly, Auteuil, Passy)* – со значением «элегантный, изысканный», обозначая всем известные реалии, семантически прозрачны для всех говорящих. Буквенные сокращения широко используются и в разговорном регистре, что является данью моде и ярко характеризует *le branché* и молодежный язык: *Ce soir, je suis HS* («hors service», «никакой», без сил). Конечно же, остается опасность неверной интерпретации не всем известной сокращенной формы. Вот пример из интервью с певцом: - *La dernière fois qu'on t'a vu sur scène, tu avais un look un peu SF...* – *C'est quoi, SF ?* – не понимает певец. – *Science Fiction*. – *Ah, je croyais que c'était San Francisco...* Модным также становится образовывать акронимы, омонимичные известным словам, часто именам собственным известных личностей, типа *SOCRATE – Système Offrant à la Clientèle la Reservation d'Affaires et de Tourisme en Europe*. Сильная людическая составляющая современной языковой манеры влечет за собой и возможность специфического написания аббревиатур. Слова, омонимичные названию отдельных букв, могут писаться, как эти буквы: *H* (*hasche*, = *haschische*: *fumer du H*), *X-er* (*ikser* – «скрывать, утаивать»).

Как бы в противовес явлениям редукции современной модной языковой манере свойственно и противоположное – расширение формы, проявляющееся в редупликации, то есть в быстром двукратном повторении части слова или слога: *leurleur* (*contrôleur*). Часто редупликация морфологически значима, например, для выражения превосходной степени: *très très, dur dur*.

Новой и очень яркой характеристикой современной языковой манеры можно считать появление большого количества телескопных образований, так называемых *mots-valise*, или акронимов. Телескопные образования строятся путем соединения начальных слогов слова с конечными слогами второго слова (или с целым словом): *camescop* (*caméra+magnétoscope*) «видеокамера», *ludiciel* («игровое программное обеспечение» (*ludique+logiciel*), *courriel* «электронная почта» (*courrier+électronique*), *pourriel* «спам» (*pourri+courriel*), *alicament* «продукты, обладающие лечебными свойствами» (*aliment+médicament*), *vélocation* «велопрокат» (*vélo+location*). Одно из первых телескопных образований, послуживших, возможно, стимулом для активизации этого словообразовательного механизма, было слово *franglais*, придуманное в 60-е годы автором известной книги «*Parlez-vous franglais?*» Р.Этьямблем. Причудливые возможности объединения двух понятий в одном слове, необходимое усилие для интерпретации смысла композита сочетаются здесь со столь модным сейчас людическим компонентом, связанным с «домысливанием» и «расшифровкой» подчас неожиданных и остроумных комбинаций. Это объясняет тот факт, что акронимы выступают сейчас как в чисто номинативной, так и в людической функции, часто совмещая обе, например, в недавних

названиях блогов: *Sarkofrance* (Sarkozy+France), *Sarkostique* (Sarcozy+sarcastique) или в предлагаемых названиях для валют разных стран: *Neuro* (Nord+Euro) для стран Северной Европы и *Geuro* (Grèce+euro) - для Греции. Людическая функция акронимов преобладает и в рекламных текстах: *La loto c'est spormidable ! Jex four, c'est jextraordinaire !*

В предпринятом анализе мы попытались описать некоторые изменения, происходящие в традиционных способах словопроизводства, а также выявить новые доминирующие тенденции языковой креативности на современном этапе развития французского языка.

Литература:

1. *Фрей А.* Грамматика ошибок. Москва: КомКнига, 2006.
2. *Brunot F.* Histoire de la langue française. Paris : A. Colin, 1905-1943, rééd. 1966.
3. *Picone M.-D.* L'impulsion synthétique : le français poussé par la synthèse // Le français moderne, N 59, vol. 2, 1991.
4. *Sablayrolles J.-F.* La néologie en français contemporain. Paris : Honoré Champion Editeur, 2000.